

— Я вовсе не интересуюсь секретами вашей школы. Пытаясь вас все эти дни, я делала это вовсе не ради того, чтобы выбить из ваших уст хоть слово...

Хэ Янься, говоря это, еще немного приблизилась к Му Цзышань. Ее голос зазвучал прямо у самого уха Му Цзышань, а легкое дыхание заставило ту ощутить неприятный щекотливый зуд, но в следующее мгновение произошло то, чего она никак не ожидала: кто-то прихватился зубами за ее мочку уха.

Словно дразня, Хэ Янься легко провела по мочке Му Цзышань кончиком языка. Заметив на лице Му Цзышань смесь удивления и ярости, она нашла эту женщину до предела забавной.

— Я истязая вас лишь потому, что мне хочется смотреть, как вы мучаетесь...

Произнесенная у самого уха Му Цзышань фраза прозвучала так, будто это были слова о любви, однако у Му Цзышань она вызвала невыразимое изумление и отвращение.

Мучить других безо всякой цели, просто ради того, чтобы испытывать радость от чужих страданий... Эта женщина поистине стояла звания жестокого и хладнокровного великого демона Демонической секты. Строить свое счастье на чужой боли — такой склад ума Му Цзышань была не в силах постичь. И потому, даже несмотря на то, что стоявшая рядом с ней женщина обладала красотой небесной феи, Му Цзышань казалось, будто перед ней демонический дух из самого ада, бесконечно уродливый и зловещий.

Заметив полное отвращения выражение на лице Му Цзышань, Хэ Янься лишь легко усмехнулась и продолжила:

— Вы с ней — предательницы секты, без суровых пыток вам не обойтись... — Хэ Янься немного отступила от Му Цзышань, но ее холодный смех по-прежнему доносился совсем близко. — К тому же, ты ведь знаешь: больше всего на свете я ненаведу предателей.

Ее палец скользнул по спине Му Цзышань, и в этот же миг на кончике пальца вспыхнула точка ци. Му Цзышань почувствовала, как свирепая волна энергии устремилась сквозь ее палец внутрь тела. В тот же миг ци и кровь застопорились, в сердце кольнула острая боль, и ощутив во рту сладковатый привкус, Му Цзышань выплюнула полный рот крови.

Видя, как Му Цзышань извергает кровь, а бледное лицо оттеняют яркие алые следы на уголке рта, Глава дворца Хэ сочла эту картину невыразимо прекрасной.

Му Цзышань знала, что сейчас Хэ Янься надавила на точку Синь-шу. Вложи она хоть немного больше силы, и та, пожалуй, отправилась бы на тот свет. Впрочем, Хэ Янься прекрасно умела рассчитывать силу своих ударов, так что это нажатие оказалось ни легким, ни тяжелым — жизни Му Цзышань оно не лишило, но заставило испытать чашу мучений: после точечного удара ее лицо стало еще более мертвенно-бледным.

Могла бы убить ее одним ударом, но вместо этого продолжала держать на волоске от смерти. Му Цзышань понимала, что эта Красная госпожа дворца вряд ли оставит ее в покое, пока вдоволь не наиграется.

Подумать только, что на свете существуют столь злобные и жестокие люди! Му Цзышань вдруг рассмеялась, и в этом смехе отчетливо слышались презрение и ненависть. Хэ Янься смотрела на ее смех с игнорирующим все вокруг выражением, лишь осведомившись, над чем именно та смеется.

— Ты говоришь, что больше всего ненавидишь предателей, но я никогда тебе не служила — о каком предательстве вообще речь?

Хэ Янься, не переставая улыбаться, смотрела на Му Цзышань, но ничего не отвечала. Не дожидаясь ответа, Му Цзышань продолжила:

— Уж с таким-то злодейством, как у тебя, кто на этом свете согласится служить тебе искренне? И ты еще смеешь заикаться о предательстве — поистине чудовищная шутка.

От этих слов Му Цзышань даже толпа слуг и подчиненных, стоявших вокруг Хэ Янься, невольно переменялась в лице.

Само имя Хэ Янься — во Дворце Цюньин или вх Цзянху — наводило страх практически на каждого, стоило лишь произнести его вслух. Однако те немногие, кто следовал за ней из преданности, делали это либо потому, что их секреты были у нее в руках, либо из-за страха перед ее жестокими методами. И хотя все прекрасно понимали истинное положение дел, еще не находилось смельчака, который осмелился бы открыто бросить это Хэ Янься в лицо, как только что сделала Му Цзышань.

Окружающие слуги со страхом вглядывались в лицо главы дворца, опасаясь, что в порыве гнева она может сорвать злость на тех, кто под рукой. Однако при ближайшем рассмотрении выражение лица Хэ Янься оставалось абсолютно невозмутимым — казалось, Му Цзышань говорит о вещах, совершенно ее не касающихся, и у нее даже в мыслях не было гневаться.

Хэ Янься не злилась вовсе не потому, что обладала великим великодушием — просто ее определение преданности слишком сильно отличалось от представлений Му Цзышань. По ее мнению, отношения между людьми изначально строились на взаимной выгоде и использовании друг друга. Будь то рычаги давления в ее руках или страх перед ее свирепой властью — до тех пор, пока человек подчиняется ее приказам и выполняет работу, остальное неважно. А искренность или ее отсутствие ее мало волновали.

И потому, когда Му Цзышань сейчас отчитывала ее подобным образом, ей стало лишь смешно, но никак не гневно.

— Разве в этом мире кто-то живет не ради мелкой выгоды, используя друг друга и связывая по рукам и ногам? Если ты и вправду ждешь от них той самой преданности, о которой говоришь, боюсь, в конце концов тебя ждет незавидная участь.

Эти слова прозвучали с такой прямоотой, что даже Му Цзышань не знала, что на них возразить.

— Зато твоя младшая соученица относится к тебе неплохо. Узнав, что тебя схватили, она попыталась вернуться и вытащить тебя... Жаль только, боевые искусства у нее слишком слабые — не успела она даже приблизиться к темнице, где тебя держат, как мои люди скрутили ее.

Взглянув на измученную до полусмерти младшую соученицу, Му Цзышань почувствовала, как сердце пронзила острая боль. Эта глупышка и впрямь была невероятно безрассудна: когда та ценой собственных усилий отправляла ее прочь, та уже не думала о собственном выживании, так зачем же ей понадобилось возвращаться и пытаться спасти ее?

— Глядя на то, как горячо она к тебе привязана, я даже разделила пополам те удары кнута, что предназначались тебе на эти дни. Кто бы мог подумать, что эта девчонка окажется столь хрупкой.

Эти слова Хэ Янься привели Му Цзышань в предельное бешенство. Раньше она думала, что в последнее время эти люди просто потеряли терпение и оставили ее в покое, но оказалось, что все избегнутые ею муки целиком и полностью достались ее младшей соученице. От переполнявшего гнева сердце едва не разорвалось, а в сочетании с недавней травмой от ци Хэ Янься это привело к тому, что Му Цзышань снова извергла кровь.

— Ты... — Му Цзышань едва не захлебнулась кровью от злости, но не могла подобрать слов для ругани. В обычные дни она вообще говорила мало и практически никогда не участвовала в словесных перепалках или ссорах, а потому перед лицом столь красноречивой Хэ Янься она кипела от ярости, но не находила возражений. В итоге она уставилась на мучительницу взглядом, готовым изрыгать пламя, но в мыслях не нашлось ни единого проклятия.

Видя, что та молчит, Хэ Янься с улыбкой похлопала ее по щеке и уже собиралась бросить ее здесь и уйти.

Пройдя несколько шагов, она услышала донесшийся из-за спины исполненный ярости окрик: «Стоять!» Обернувшись, она увидела, как один из слуг привязывает Му Цзышань к другому деревянному столбу в глубине комнаты, а взгляд, которым та смотрела на нее, уже не укладывался в рамки обычной жажды убийства.

— У тебя снова есть что сказать? — Хэ Янься стояла на лестнице, глядя на Му Цзышань сверху вниз, и голос ее звучал холодно, без малейшей нотки чувств.

— Ты сказала, что наказание, предназначавшееся мне, наполовину приняла она. — Му Цзышань находилась в самом мрачном углу темницы, и ее фигуру почти целиком скрывала густая темнота, однако Хэ Янься все равно отчетливо видела свирепый блеск глаз, устремленных из этой темноты.

Человек, способный смотреть на нее так, должно быть, ненавидел ее лютой, запредельной ненавистью.

— Что, если я попрошу тебя вернуть мне то, что причиталось по праву?

Хэ Янься усмехнулась, словно взвешивая что-то в уме. Поразмыслив мгновение, она охотно ответила:

— С какой стати ты возомнила, что находишься в положении, позволяющем торговаться со мной? — Она никак не ожидала, что эта женщина окажется готова пожертвовать собой ради какой-то девчонки и даже осмелится выдвигать ей условия. Та ее явно недооценивала. — По-твоему, в твоём нынешнем положении у тебя еще есть право требовать, чтобы я тебя слушала?

— Я знаю, что вы просто хотите помучить нас напоказ остальным... — Внутренние органы Му Цзышань были повреждены недавней вспышкой гнева, и травма, казалось, стала еще тяжелее, однако в голосе по-прежнему звучала негибкая твердость. — Я могу держаться из последних сил, не умирая, под любыми вашими пытками, и вы сможете показать тем людям, какая участь ждет тех, кто вас «предал»...

— Я прошу лишь об одном: пощади ее, не истязай больше до самой моей смерти.

Если ценой моей собственной гибели удастся даровать ей шанс на выживание, значит, эта моя жизнь еще сослужила какую-то пользу.

Подумав об этом, Му Цзышань невольно усмехнулась, но взгляд ее потускнел.

Впрочем, вряд ли у них теперь вообще представится шанс встретиться вновь.

Хэ Янься встретила взглядом с женщиной, скрывавшейся в темноте, словно пытаюсь разгадать что-то в ее глазах, но сколько ни всматривалась, так ничего и не поняла.

Терпеть ради другого человека еще больше мучений, лишь бы той стало хоть немного легче, да еще иметь смелость торговаться с ней на равных — эта женщина и впрямь была донельзя интересна.

Ей страшно хотелось увидеть, как в конце концов этот человек будет ползать у ее ног и молить о пощаде.

— Хорошо, я согласна.

Хэ Янься махнула рукой слугам, приказывая отвязать Му Цзышань и вернуть ее в прежнюю камеру.

Когда конвоиры вели Му Цзышань мимо Хэ Янься, та наклонилась к самому ее уху и проговорила мягким, но пугающе жестоким шепотом:

— Раз уж ты сама заговорила об этом, держись изо всех сил до самого конца. Если ты не позволишь мне насладиться этим вдоволь, ты прекрасно знаешь, что сделают с твоей драгоценной младшей соученицей.

Му Цзышань стиснула зубы, не произнеся в ответ ни слова.

— Обещаю: пока ты жива, я оставлю ей жизнь и больше не стану чинить препятствий.

Хэ Янься озарила лицо сияющей улыбкой. Му Цзышань молчала с минуту, а затем, шумно выдохнув, коротко усмехнулась и бросила в ответ:

— Благодарю.

Хэ Янься слегка удивилась, но развивать тему не стала — велела страже увести Му Цзышань, а сама повернула к себе в покои, чтобы отдохнуть.

Перед тем как уйти, она бросила взгляд на висевшую на столбе младшую соученицу. Видя ее сплошь покрытое ранами тело, Му Цзышань испытывала острую, разрывающую сердце боль.

До того как они с соученицей попались в ловушку, Му Цзышань отправляла в секту весточку: если к исходу девятой луны они не вернутся, значит, их схватили люди Демонической секты. Младший соученик Чу так трепетно относился к младшей соученице, что в нужный момент наверняка не останется в стороне. Оставалось лишь надеяться, что ее тело выдержит до тех пор, пока секта не пришлет людей спасти их.

4. Узники (часть 1) Если Дворец Цюньин наводил на людей такой ужас, что при одном его упоминании у них бледнели лица, то причиной тому была не только запредельная жестокость главы культа, но и те изощренные, жуткие пытки, что славились на весь цзянху.

Всем в цзянху было прекрасно известно, что Красная госпожа дворца обожала использовать пытки для утверждения своего авторитета. Вот только люди не знали, что эта женщина применяла столь свирепые методы не только для устрашения врагов за пределами секты — к собственным адептам Дворца Цюньин она относилась точно так же. Она регулярно заставляла

их присутствовать при исполнении этих наказаний, а тех, кто посмел провиниться перед госпожой дворца, истязали так изощренно, что те не могли ни жить, ни умереть. Это внушало подчиненным еще больший страх перед ней.

С того самого дня, как Му Цзышань заключила сделку с Хэ Янься и позволила заменить собой младшую соученицу, приняв на себя всю тяжесть наказаний, Хэ Янься велела перенести ее на самое видное высокое возвышение во всем Дворце Цюньин. Мучения не прекращались ни на день, но ее упорно держали на грани жизни и смерти, не позволяя умереть. Делалось это для того, чтобы снующие туда-сюда адепты культа могли воочию лицезреть человека, изуродованного до неузнаваемости, и воочию убедились, сколь плачевен исход для тех, кто посмел оскорбить Красную госпожу дворца.

На теле привязанной к высокому помосту Му Цзышань не осталось ни единого живого места. В первые дни ее ежедневно награждали сотнями ударов кнута, а стоило Порошку Пожирающих Кости Призрачных Муравьев попасть на кожу, как несчастную охватывала невыносимая боль — что уж говорить о тех случаях, когда порошок забивался прямо в открытые раны. В последние же дни Хэ Янься приказывала слугам приносить золотые иглы и вонзать их по одной в самые чувствительные акупунктурные точки, причиняющие максимум страданий. Какой бы гордой и обладающей железной выдержкой ни была Му Цзышань, она все равно не могла сдержать криков боли от таких истязаний.

Нельзя сказать, что она не ненавидела эту демоницу: не было и минуты, чтобы Му Цзышань не мечтала разорвать ее на куски. Но сейчас она была на это неспособна, и даже простая смерть превратилась для нее в непозволительную роскошь. Ей оставалось лишь изо всех сил цепляться за жизнь в ожидании помощи от учителей, только бы ее младшая соученица смогла благополучно покинуть это проклятое место. Му Цзышань даже боялась представить, каким издевательствам подвергнется ее младшая сестра, если она сама умрет.

Хэ Янься каждый день приходила посмотреть на ее мучения, и всякий раз, когда пленница не выдерживала и кричала от боли, на лице мучительницы расцветала злорадная улыбка. Это лишь усиливало отвращение Му Цзышань к ней, а желание стереть ее в порошок и развеять прах становилось все сильнее.

Однажды Му Цзышань потребовала от Хэ Янься позволить ей хотя бы одним глазом взглянуть на младшую соученицу — в доказательство того, что уговор был выполнен честно. Хэ Янься согласилась и действительно показала ей, что младшая соученица просто заперта в комнате и ни в чем не нуждается, однако позволила взглянуть на нее лишь издали, наотрез отказавшись давать им возможность хотя бы словом перемолвиться друг с другом. Хэ Янься тоже спрашивала её, стоит ли вообще эта бессмысленная боль, которую она терпит ради кого-то другого, столько страданий. Му Цзышань ничего ей не ответила, лишь мысленно подсчитывая, сколько дней осталось до назначенного с учителями срока.

Хэ Янься и сама не знала, с каких пор начала так пристально следить за этим человеком. Она стала наблюдать за всеми членами Демонической секты сразу же, как только заподозрила присутствие шпиона. Вот только тогда Му Цзышань скрывалась настолько искусно, что Хэ Янься даже не догадывалась, сколь интересной личностью окажется эта непримечательная на вид сектантка.

Во время поединка с ней выяснилось, что та превосходно владеет боевыми искусствами и способна выстоять против неё в стольких схватках, будучи тяжело раненной. Естественно, позволить такой сильной сопернице просто так умереть Хэ Янься не могла. Что же касалось шпионского прошлого, то об этом она почти не переживала: секреты Дворца Цюньин не ведали даже те старые адепты, что следовали за ней долгие годы, не говоря уже о человеке, который проник сюда сравнительно недавно.

А эту затаившуюся на дне её глаз гордость Хэ Янься на самом деле безумно любила.

Правда, чем более гордым был человек, тем сильнее Хэ Янься жаждала жестоко растоптать её, страстно желая увидеть, как та молит о пощаде у её ног.

Жаль только, что и месяц пыток не принёс никаких результатов — это поистине огорчало. Подобное отношение, когда человек буквально жаждет смерти, слегка её раздражало: подумать только, она оказалась совершенно бессильна перед какой-то девчонкой.

Но отступать при виде препятствий никогда не было в стиле Хэ Янься.

В прошлый раз та женщина отчаянно защищала свою младшую соученицу, помогая ей сбежать, а значит, эта соученица наверняка имела для неё колоссальное значение. Судя по всему, Му Цзышань была человеком верным и преданным своим узам, и Хэ Янься гадала, какой же станет её реакция, если использовать соученицу для проверки.

На самом деле младшую соученицу Му Цзышань Хэ Янься схватила уже давно. Когда Му Цзышань велела младшей бежать в одиночку, та, по всей видимости, была уже готова к смерти, однако ради того, чтобы соученица смогла уйти со спокойной душой, приказала ей немедленно возвращаться в родную школу за подмогой, чтобы спасти её. В итоге младшая соученица не успела отойти далеко: в ближайшей чайной она услышала слухи о том, что глава Дворца Цюньин приказала казнить шпионку. Забыв обо всём и не думая возвращаться за подкреплением из страха, что стоит ей уйти — и они со старшей сестрой навек окажутся разлучены пропастью между миром живых и мёртвых, Лян Цзиньюэ попалась на удочку. Хэ Янься применила старый трюк, оставив брешь в обороне, чтобы та сама угодила в ловушку, наивно полагая, будто у неё появился шанс вызволить старшую сестру, а на деле лишь затянув в сети и себя тоже. Только вот истязать эту младшую сестрицу было на самом деле до ужаса скучно: она была нежной, с мягкой кожей и слабым телосложением, так что теряла сознание от боли всего после нескольких ударов кнутом.

Правда, поначалу Хэ Янься вовсе не планировала использовать эту девушку, чтобы принудить к повиновению ту вторую.

Если бы для того, чтобы заставить кого-то склонить голову, пришлось опираться на слабость другого человека, то и радость от этого триумфа в конце концов померкла бы. Просто она не ожидала, что в итоге всё равно будет вынуждена вытащить эту младшую сестрицу наружу.

А вот Му Цзышань обладала куда более крепким телосложением, чем ее соученица. К тому же, движимая некой гордостью, она стойко перенесла бесчисленные жестокие пытки, но от начала и до конца не проронила ни единой мольбы о пощаде.

Это казалось Хэ Янься крайне занятным.

Однако та женщина вовсе не была столь несокрушимой, какой себя показывала. Хэ Янься однажды наблюдала за ней из укрытия, когда отпустила всех стражников. Когда рядом никого не было, Му Цзышань порой позволяла себе проявить слабость и усталость. Быть может, она

просто пыталась поддерживать эту иллюзию стойкости перед лицом всего мира, но скрытую от посторонних глаз боль и отчаяние в ее глазах было невозможно подделать.

Поэтому оценка Хэ Янься в отношении нее изменилась: от первоначального «непробиваемая и упрямая» до «дорогая цена за пустую гордость».

Глядя на то, с каким презрением та смотрела на нее свысока, Хэ Янься отчаянно жаждала растоптать и сокрушить всю ее гордыню. Но стоило ей увидеть это выражение отчаяния и уязвимости, как сердце почему-то невольно смягчалось, и ей хотелось предложить пленнице еще хоть что-нибудь.

Подобные настроения казались ей крайне странными.

Сама того не заметив, она стала уделять той особе всё больше внимания.

Однако тратить время на долгие раздумья об этих доселе неведомых странных чувствах Хэ Янься вовсе не желала.

Му Цзышань в последние дни уже начала погружаться в забытость, но человек, приближавшийся к ней, вновь заставил ее собрать всю волю в кулак.

Та женщина была облачена в вызывающе яркие красные одежды, а рассыпанные по плечам иссиня-черные волосы напоминали тушь. Ее кожа соперничала по белизне снегом, и сама она была так прекрасна, будто сошла со страниц живописного свитка. И тем не менее, у Му Цзышань на уровне условного рефлекса возникло чувство глубочайшего отвращения.

Стоило этой женщине появиться, как подручные палачи начинали вкладывать в удары куда больше сил. Ее раны в последнее время затягивались лишь для того, чтобы быть разорванными вновь, и она раз за разом балансировала на грани полного рассудка, спасаясь по сей день лишь благодаря пилюлям, поддерживающим жизнь, которые давала Хэ Янься, да собственной нестигаемой воле.

Приближаясь к ней, Хэ Янься слегка улыбалась, и на ее лице даже проступало некое подобие нежности. Впрочем, Му Цзышань прекрасно знала: чем мягче выглядела Хэ Янься, тем более страшная участь постигала тех, кто смел ей перечить.

— Ты держишься до сих пор, и даже я не могу не восхищаться тобой.

Заметив приближение Хэ Янься, Му Цзышань с брезгливостью отвернулась, не желая смотреть на нее. Но Хэ Янься, словно нарочно желая досадить ей, двумя пальцами ухватила пленницу за подбородок и насильно повернула ее лицо так, чтобы их взгляды встретились на одном уровне. Другой рукой она коснулась ее лба, отводя в сторону пряди, закрывавшие лицо.

После пережитых за эти дни истязаний единственным местом на теле Му Цзышань, где не осталось ни единого шрама, было как раз лицо. Оставалось только гадать, чем руководствовалась Хэ Янься, когда отдавала своим людям приказы о пытках и специально оговорила одно условие: во время наказания нельзя было повреждать ей лицо. Му Цзышань, правда, доводилось слышать об одном слухе, касающемся Хэ Янься: та якобы всегда благоволила людям с привлекательной внешностью. Говорили, что одному из ее старых врагов досталось сильнее всех остальных, и когда тот в ужасе спросил почему, Хэ Янься выдала ответ, который поверг всех в шок: потому что ты страшнее всех.

Му Цзышань никак не ожидала, что эта странная привычка Хэ Янься сохранится даже в отношении пленницы. Вероятно, та просто боялась лишний раз оскорбить свои глаза ее безобразием, раз и выдвинула подчиненным такое требование. Сами же стражники ловили каждое ее слово, страшась малейшим образом вызвать недовольство главы дворца, ведь в таком случае их собственная участь обещала быть незавидной.

На слова Хэ Янься Му Цзышань ничего не ответила, лишь холодно фыркнула, хотя из-за крайней слабости от пережитых пыток в этом звуке не осталось ни капли сил.

Порой Му Цзышань даже невольно думала: если бы ее лицо в один прекрасный день и впрямь обезобразили, возможно, ей удалось бы реже видеть эту великую демоницу. При столь патологической страсти к красоте та, пожалуй, старалась бы как можно реже смотреть на уродливого человека. Случись такое, на душе у нее, глядишь, стало бы хоть чуточку легче.

— Только вот твой высокомерный нрав ни капельки не угас...

Хэ Янься легко усмехнулась. Ее рука протянулась к железным цепям, на которых висела Му Цзышань, и зажатый в пальцах ключ едва слышно повернулся в замочной скважине. Раздался щелкающий звук — замок открылся, и цепи со звоном опали вниз. Лишившись опоры, Му Цзышань едва устояла на ногах, но Хэ Янься лишь чуть подалась вперед, и девушка бессильно рухнула прямо в ее объятия.

<http://bllate.org/book/20982/2130312>